

Сурен Кочарян читает „Крейцерову сонату“

В Москве, в Доме ученых, состоялось юбилейное, 500-е исполнение литературной композиции народного артиста Армянской ССР Сурена Кочаряна по пьесе Льва Толстого «Крейцера соната».

Значение этого литературного концерта было ярко отражено во вступительном слове доцента Московского государственного университета имени Ломоносова, внука Льва Николаевича Ильи Ильича Толстого.

Ниже публикуем сокращенное выступление И. И. Толстого.

Пятистое исполнение литературной композиции по «Крейцеровой сонате» Л. Н. Толстого, составленной Суреном Кочаряном, несомненно, является событием в нашей культурной жизни.

Сам факт пятистого исполнения этого большого, морально-философского произведения доказывает не только рост культурных запросов нашей советской публики, но и подлинную художественность самого произведения. Здесь, как мне кажется, гениальное творение писателя удачно нашло своего толкователя. В устах С. А. Кочаряна ярко и убедительно звучит слово Толстого.

Приступая к работе над «Крейцеровой сонатой», Толстой сам еще не знал, во что она выльется, как разовьется сюжет. Он задумал образ героя, и художественная правда, правда жизни привели его к выводам, перед которыми, по его же словам, «ужаснулся... не хотел верить им, но не верить нельзя было».

Биограф Л. Н. Толстого П. И. Бирюков рассказывает, что «Как-то весной 1888 года в Москве, в доме Толстого в Хамовниках, скрипачом Ляссотой и Сергеем Львовичем Толстым на роле исполнялась соната Бетховена, посвященная Крейцеру. Среди многих слушателей были художник Репин и актер Андреев-Бурлак. В этот день давно знакомое музыкальное произведение произвело на Льва Николаевича особенно сильное впечатление, и он, обратившись к Репину и Андрееву-Бурлаку, предложил изобразить сонату Бетховена доступными всем трем средствами искусства. Сам он взялся написать рассказ, который должен был прочесть перед публикой Андреев-Бурлак,

прекрасный чтец того времени, а Репину предложено было написать картину на ту же тему, которая должна была бы стоять на стене во время чтения рассказа Андреев-Бурлаком».

Предложение Толстого было принято всеми, но выполнил свое обязательство только один Лев Николаевич. Андреев-Бурлак умер вскоре, но еще перед смертью присутствовал на чтении Толстым начала повести, носившей уже название «Крейцера соната», и даже сам попробовал ее тут же читать.

Мне кажется, что описанное Бирюковым исполнение сонаты Бетховена в Хамовническом доме в Москве было лишь одним из звеньев, связывающих это музыкальное произведение с повестью Толстого.

Просматривая дневники великого писателя, относящиеся ко времени написания последующих четвертой, пятой, шестой и т. д. редакций «Крейцеровой сонаты», мы видим напряженную работу мысли, творческие искания способов отражения жизненной правды, мучительные сомнения. «Утром и вчера вечером много и ясно думал о «Крейцеровой сонате»... — читаем мы в дневнике, «Вся драма повести, все время не выходящая у меня, теперь ясна в голове». А через 20 дней (июль 1888 г.) запись: «Понял, как всю (повесть И. Т.) надо преобразовать, внести любовь и сострадание к ней».

И снова... И снова переделки... переработки... Лишь после девятой редакции в 1889 году Толстой считал работу над повестью законченной.

Такова вкратце история написания этого произведения, вошедшего в золотой фонд мировой литературы и представляющего собой одну из драгоценностей в том наследстве Льва Толстого, о котором Ленин писал, что его «берет и над этим наследством работает российский пролетариат».

«Крейцера соната», задуманная в форме рассказа для художественного чтения со сцены, в значительной мере (в особенности во II части) сохранила

эту форму и в своей окончательной редакции. Это, естественно, должно было привлечь к себе внимание мастеров художественного слова. И в самом деле, были неоднократные попытки исполнения со сцены отдельных глав этой повести, но целиком, в виде законченного целого большого полотна, до сих пор никто не решился ее читать. Эту задачу впервые выполнил Сурен Акимович Кочарян.

Каждое художественное произведение по-разному обычно понимают и воспринимают читающие его. Даже один и тот же человек, читая через несколько лет то же самое произведение великого писателя всегда находит в нем что-то новое для себя, ранее не понятое и не воспринимаемое. Каждый режиссер вносит даже в классические произведения драматургии что-то свое, не открывшееся для его предшественников. Каждый артист по-своему вживается в образ, по-своему его истолковывает и воплощает. Можно, всегда можно и даже должно спорить по поводу любой постановки, по поводу каждого сценического образа — ведь мы люди разные, — но неизменной в искусстве остается художественная ценность сценического воплощения.

Творчески разработавши свою композицию большой повести Льва Николаевича Толстого, Сурен Кочарян сохранил в ней первоначально намечавшуюся форму монолога. Исполняя свою композицию в жанре монодрамы, он предельно приблизил «Крейцерову сонату» к советскому зрителю, умело подчеркивая ту сторону произведения великого писателя, которая обращена не только к старому, отжившему обществу, но и ко всему лучшему, светлому, что есть в человеке.

Композиция «Крейцеровой сонаты», составленная Суреном Кочаряном и мастерски исполняемая им, — это целостное художественное произведение.

Пятистое исполнение ее перед переполненным залом Дома ученых в Москве является прямым доказательством того, что широкие слои нашего народа, живущие культурными интересами, приняли и одобрили работу нашего большого артиста Сурена Акимовича Кочаряна.